

Много королев... и всего одна сущность.

КИМБЕРЛИ ДЁРТИНГ

КЛЯТВА

стеклянные города

Стеклянные города (Рипол)

Кимберли Дёртинг

Клятва

«РИПОЛ Классик»

2011

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)6-44

Дёртинг К.

Клятва / К. Дёртинг — «РИПОЛ Классик»,
2011 — (Стеклянные города (Рипол))

ISBN 978-5-386-08397-7

Оригинальная и невероятно романтическая антиутопия Кимберли Дёртинг не оставит равнодушными истинных любителей жанра. Жители страны Лудании разделены на классы, каждый из которых обладает собственным языком. За мельчайший проступок – взгляд в глаза человеку, стоящему выше на социальной лестнице, когда тот говорит на родном языке, – следует немедленная казнь. Семнадцатилетняя Чарлина с рождения понимает языки всех классов и тщательно оберегает свою тайну. Единственное место, где она может почувствовать себя свободной, – нелегальные клубы, в которых люди на время забывают о репрессивных правилах социума. В одном из таких клубов Чарлина встречает таинственного красавца Макса, говорящего на языке, которого она никогда не слышала. Ее тайна почти раскрывается... но не шанс ли это освободить себя и других от ненавистой системы? Опасность и тайна, страх и романтика – вот мощная комбинация, которая придает роману особое очарование. Поклонникам книг «Голодные игры» и «Дивергент» читать обязательно!

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-386-08397-7

© Дёртинг К., 2011

© РИПОЛ Классик, 2011

Содержание

Благодарности	7
Часть I	8
Пролог	8
Глава первая	11
Глава вторая	22
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кимберли Дёртинг

Клятва

Kimberly Derting

The Pledge

Derting, 2011. «This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency LLC and Synopsis Literary Agency»

© Перевод. Давыдова А. А., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

Эбби, Коннор и Аманде.

Вы знаете почему.

Благодарности

В каждой книге есть ряд «персонажей», заслуживающих особой благодарности. Я начну с того, что скажу спасибо женщине, которая поделилась со мной душераздирающими историями о своем детстве, проведенном в Германии в годы Второй мировой войны. Мари Лукас, своими воспоминаниями вы зажгли во мне искру, которая в конце концов превратилась в «Клятву». Спасибо, что рассказали о просыпавшейся по ночам под вой сирен авианалета испуганной девочке, которую ее старшие сестры перебрасывали через забор и прятали за городом в стволе шахты. И спасибо за рассказ о старой тряпичной кукле, которая была вам так дорога. Вы – это Анджелина.

Как всегда, я благодарю своего бесстрашного и неутомимого агента Лауру Реннерт. Спасибо, что ты на моей стороне.

Спасибо моему невероятному редактору Гретхен Хирш, которая поверила в меня не один раз, а дважды. Благодарю тебя за интуицию, терпение и ум. Работать с тобой – огромное удовольствие.

Спасибо Smart Chicks за то, что позволили мне посидеть с замечательными детьми. Дженни Джеффрис и Шелли

Йоханнес-Уэлс: спасибо, что оставались допоздна и читали мне. Эрин Гросс и Хайди Беннет: спасибо, что вы так замечательно меня подбадривали. Всем в Debs и Tenners: благодаря вам я сохраняю здравомыслие в сумасшедшем издательском мире! Спасибо моим прекрасным друзьям Жаклин Сандер, Тамаре Макдональд и Кэрол Гильдебранд, которые помогли спланировать великолепные презентации моих книг. (Серьезно, вы трое должны открыть собственный бизнес... или хотя бы брать с меня деньги за свои услуги.)

Спасибо моему мужу Джошу: он мой первый читатель, терпеливый советник и опора. Спасибо моим детям за то, что безропотно, снова и снова, ели фастфуд. Спасибо моей маме, которая всегда говорила, что я могу все... и действительно так считала. И моему папе, который смешил меня именно в те моменты, когда я больше всего в этом нуждалась.

Отдельная благодарность моему брату Скотту, которого я любила и ненавидела много лет (как это делает большинство сестер) и который объяснил мне невероятную ценность обладания братьями и сестрами. Наше с ним детское общение я не променяю ни на что... *Я тебя люблю!*

Часть I

Пролог

142 года после революции Правителей

Когда в комнату вошла девочка, воздух начал потрескивать, словно перед надвигающейся грозой. Девочка была совсем ребенок, но ее появление изменило все.

Королева с трудом повернула лежащую на подушках голову, наблюдая за тем, как гостья неслышно входит в комнату, обутая в домашние туфли. Девочка прижимала подбородок к груди, вцепившись пальчиками в ночную рубашку, беспокойно сжимая и разжимая ткань.

Возможно, охрана королевы не ощутила возникшего в воздухе заряда, но сама она мгновенно почувствовала бег крови по венам, учатившийся пульс, а звук ее дыхания перестал быть прерывистым и свистящим.

Она посмотрела на сопровождавших ребенка мужчин.

– Оставьте нас, – велела она, но ее голос, некогда полный власти, был теперь хриплым и тонким.

У них не было причин сомневаться в приказе – рядом с матерью девочка будет в безопасности.

От стука закрывшейся двери ребенок вздрогнул, глаза расширились, но все же она избегала встречаться с матерью взглядом.

– Принцесса Сабара, – сказала королева тихо и как можно мягче, стараясь вернуть доверие девочки. За недолгие шесть лет жизни дочери королева провела с ней очень мало времени, оставляя ребенка на попечении служанок, нянек и учителей. – Подойди ближе, дорогая.

Девочка зашаркала к кровати, но ее взгляд был опущен к полу; черта, обязательная для низших классов, с горечью отметила мать. Шесть лет – это мало, возможно, чересчур мало, – но дольше откладывать было уже нельзя. Королева тоже была молодой, ее тело должно было прожить еще много счастливых лет, однако она болела и умирала, а потому больше не могла позволить себе ждать. К тому же она специально готовила девочку к этому дню.

Когда та подошла к постели, королева вытянула руку, приподняла ее маленький подбородок и заставила юную принцессу взглянуть ей в глаза.

– Ты – моя старшая дочь, – произнесла она то, о чем не раз говорила прежде, напоминая, какой особенной она была. Какой важной. – Но об этом мы уже говорили. Ты ведь не боишься?

Девочка покачала головой; в ее глазах, нервно бегавших из стороны в сторону, блеснули слезы.

– Ты должна быть храброй, Сабара. Сможешь быть храброй ради меня? Ты готова?

Девочка взяла себя в руки, плечи ее застыли, и она, наконец, встретила взглядом с королевой.

– Да, мама, я готова.

Королева улыбнулась. Девочка была готова – мала, но готова.

«Когда придет время, она станет красавицей, – подумала королева, изучая ее гладкую фарфоровую кожу и мягкие блестящие глаза. – Она будет сильной, могущественной и устрашающей, с ней придется считаться. Мужчины будут падать к ее ногам...

...а она – сокрушать их.

Она будет великой королевой».

Она сделала прерывистый вдох. Время пришло.

Королева коснулась девочки, взяв ее крошечные пальцы своими; улыбка исчезла с ее губ, и она сосредоточилась на своей задаче.

Она пробудила свою душу, глубинную часть, делавшую ее той, кто она есть. Свою Сущность. Она чувствовала, как душа плотно свернулась внутри, все еще полная жизни, которой ее тело вот-вот лишится.

– Сабара, я хочу, чтобы ты произнесла слова. – Это было почти мольбою, и она надеялась, что девочка не поймет, насколько сильно она в ней нуждается, как отчаянно хочет, чтобы все получилось.

Взгляд девочки оставался прикованным к королеве, и ее подбородок чуть дернулся, когда она произнесла заранее выученные фразы.

– Возьми меня, мама. Возьми лучше меня.

Королева сделала резкий вдох, ее рука крепко обхватила кисть дочери, и женщина закрыла глаза. Боли не было. Скорее, это походило на удовольствие: Сущность начала разворачиваться, клубясь и свиваясь, как плотный туман, выходя сквозь нее наружу и, наконец, освобождаясь от всех своих ограничений.

Она услышала, как ребенок выдохнул, почувствовала ее борьбу, попытку выдернуть пальцы. Но сейчас это было неважно. Слишком поздно. Девочка уже сказала слова.

От переполняющего экстаза королева едва не потеряла сознание, но он притупился и угас, когда ее Сущность устроилась в новом пространстве и свернулась в саму себя. Обрела долгожданный покой.

Она плотно зажмурила глаза, не решаясь открыть их, не решаясь узнать, сработал ли перенос. А потом до нее донесся едва слышный звук, похожий на бульканье. И воцарилась тишина.

Оглушающая тишина.

Очень медленно она открыла глаза, чтобы посмотреть, что случилось...

...и увидела, как стоит у кровати, глядя в пустые глаза мертвой королевы. В глаза, что когда-то были ее глазами.

Глава первая

81 год спустя – 223 года после революции Правителей

Я стиснула зубы, поскольку голос мистера Грейсона становился все громче, и мне окончательно стало ясно, что его речи предназначаются людям, идущим мимо него, хотя он прекрасно сознавал, что они не понимают ни единого слова.

Каждый день повторялось одно и то же. Мне приходилось слушать эти бесстыдные проявления нетерпимости просто потому, что его магазин стоял прямо напротив ресторана моих родителей, на многолюдном рынке. Он не скрывал презрения к беженцам, заполонившим наш город и принесшим с собой «одну нищету и болячки».

Он говорил им это прямо в лицо, фальшиво улыбаясь, когда они проходили мимо его магазина, и демонстрировал товары, которые надеялся продать. Не считая пренебрежительного тона, откуда им было знать, что хозяин магазина издевался и высмеивал их: ведь он говорил на паршоне, а они явно не были торговцами. Доведенные до нищеты, они шли, опустив глаза, как и положено классу слуг. И хотя эти люди не понимали оскорблений торговца, они никогда не смотрели вверх. Это было запрещено.

Только когда он обращался к ним на всеобщем языке, англесе, они поднимали глаза и встречались с ним взглядом.

– У меня полно отличных тканей, – хвалился он, пытаюсь привлечь их внимание и, если повезет, кошельки. – Шелк и шерсть лучшего качества. – А потом, на выдохе, но довольно громко:

– А также обрезки и грязные лоскуты.

Рассматривая поток усталых лиц, наполняющих в этот час рынок, я заметила, что на меня смотрит Арон. Я прищурилась, и уголки моего рта приподнялись в озорной улыбке. «*Твой отец – дурак*», – проговорила я одними губами.

Он не слышал моих слов, но прекрасно понял, что я сказала, и ухмыльнулся в ответ. Его песчаного цвета волосы стояли торчком. «*Знаю*», – так же молча ответил он, и на его левой щеке проступила глубокая ямочка. Сверкнули теплые золотистые глаза.

Мама толкнула меня локтем в ребро.

– Я это видела, юная леди. Следи за своим языком.

Вздохнув, я отвернулась от Арона.

– Не волнуйся, я *всегда* за ним слежу.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Я не хочу, чтобы ты говорила такие слова, особенно в присутствии сестры. Ты не такая.

Я вошла внутрь, укрывшись от яркого утреннего солнца. Моя младшая сестра расположилась за одним из пустых столов, болтая ногами, склонив голову и притворяясь, будто кормит сидевшую перед ней старую куклу.

– Во-первых, она не слышала, – возразила я. – Никто не слышал. И кстати, я именно такая. – Я подняла брови, когда мама вернулась в зал и начала протирать столы. – А во-вторых, он действительно дурак.

– *Чарлина Харт!* – Голос мамы и ее речь сменились на гортанные раскаты паршона, как случалось всегда, когда она теряла из-за меня терпение. Я тут же заработала шлепок полотенцем по ноге. – *Ей четыре года, и она не глухая!* – Она покосилась на мою сестру, чьи светлые серебристые волосы сверкали в лучах льющегося в окна солнца.

Сестра даже не подняла головы; она привыкла к тому, как я иногда выражаюсь.

– *Когда Анджелина подрастет и пойдет в школу, надеюсь, ее манеры будут лучше, чем твои.*

Услышав это, я разозлилась. Я терпеть не могла, когда она говорила подобные вещи. Все мы знали, что Анджелина не пойдет в школу. Если она в ближайшие годы не начнет говорить, ей просто не позволят учиться.

Но вместо того, чтобы спорить, я лишь холодно пожала плечами.

– Как ты и сказала, ей всего четыре, – ответила я на английском.

– *Тогда иди отсюда, а не то опоздаешь. И не забудь: после школы – не домой, а сюда. Ты должна нам помогать.* – Она сказала так, словно это было чем-то необычным, хотя я работала после школы каждый день. – *Да, и пусть с тобой идет Арон. В городе слишком много новых людей, и мне спокойнее, если вы будете вместе.*

Я запихнула учебники в старую сумку и присела перед Анджелиной, молча игравшей со своей куклой. Поцеловав ее в щеку, я тайком вложила в ее липкую ладошку конфету.

– Не говори маме, – шепнула я ей на ухо и почувствовала, как ее волосы щекочут мне кончик носа, – или у меня больше не получится таскать их для тебя. Хорошо?

Сестра кивнула, доверчиво глядя на меня прозрачными голубыми глазами, но ничего не ответила. Она никогда не говорила.

Перед самым выходом меня остановила мать.

– *Чарлина, ты не забыла паспорт?*

Вопрос был лишним, но она задавала его каждый раз, когда я куда-нибудь уходила.

Дернув висевший на шее кожаный ремешок, я продемонстрировала удостоверение личности, спрятанное под рубашку. Теплое пластиковое покрытие было знакомо мне так же хорошо, как собственная кожа.

Я подмигнула Анджелине, еще раз напомнив, что у нас есть общий секрет, и поспешила из ресторана на заполненные людьми улицы.

Проходя мимо магазина напротив, я помахала Арону, давая знать, что он должен встретить меня на нашем обычном месте – небольшой площади по другую сторону рынка.

Я протискивалась сквозь толпу, невольно вспоминая времена, еще до угрозы новой революции, когда город не был таким многолюдным, а на рынке, среди запахов копченого мяса, кожи, мыла и масла, велась обычная торговля. Эти ароматы разносились и сейчас, но теперь к ним примешивался запах немытых тел и отчаяния, поскольку рынок превратился в убежище для изгнанников, несчастных из класса слуг, которых выгнали из дому, когда торговые пути перерезали силы повстанцев. Когда те, кому они служили, больше не могли держать их.

Они заполонили наш город, надеясь на еду, воду и медицинскую помощь.

Однако мы едва могли их вместить.

Монотонный голос, доносившийся из громкоговорителей над нашими головами, был так хорошо знаком, что я бы его не заметила, если б фраза, которую он произнес, поразительно не совпала с моими мыслями: «**ВСЕ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ БЕЖЕНЦЫ ОБЯЗАНЫ ЯВИТЬСЯ В АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗДАНИЕ КАПИТОЛИЯ**».

Я вцепилась в ремень, опустила голову и начала пробираться вперед.

Когда я, наконец, вырвалась из толпы, Арон уже стоял на площади перед фонтаном, ожидая меня. Для него это всегда было соревнование.

– Все равно, – пробормотала я, не в силах сдержать улыбку, и протянула ему свою сумку. – Я не стану этого говорить.

Он без возражений взял мой тяжелый груз и тоже улыбнулся.

– Отлично, Чарли. Тогда скажу я: я выиграл.

С этими словами он полез в собственный рюкзак, висевший у него на плече. В фонтане за нашими спинами мелодично журчала вода.

– Вот, – сказал он и протянул мне сложенный отрез мягкой черной ткани. – Я тебе кое-что принес. Это шелк.

Мои пальцы сомкнулись вокруг гладкого материала, и я ахнула. Ничего подобного мне раньше не доводилось трогать. «Шелк», – мысленно повторила я. Слово было знакомое, но прежде я никогда не касалась этой ткани. Я сжала ее в руке, поглаживая кончиками пальцев, восхищаясь тем, что она была почти прозрачной, но от нее отражался солнечный свет. Повернувшись к Арону, я тихо сказала:

– Это слишком, – и попыталась вернуть ему ткань.

Усмехнувшись, он отодвинул мою руку.

– Пожалуйста, возьми. Отец собирался выкинуть ее в корзину с лоскутами. Ты маленькая и сможешь сшить себе из нее платье или что-нибудь еще.

Я взглянула на свои изношенные черные ботинки и блеклое серое платье из хлопка, простое и свободное, как мешок. Я попыталась представить, как это – чувствовать такую ткань на своей коже; как вода, подумалось мне, прохладная и скользкая.

Появилась Бруклин и бросила свою сумку к ногам Арона. Как обычно, она не стала говорить «Доброе утро» или «Не мог бы ты мне помочь», но Арон все равно поднял ее сумку.

В Ароне, в отличие от его отца, не было ничего недоброго. Или «глупого», как сказала бы я о старшем Грейсоне. Или грубого. Ленивого. Все неприглядные черты, которыми обладал отец, благополучно миновали его сына.

– Ну? А мне ты ничего не принес? – Она оттопырила полную нижнюю губу, и ее темные глаза наполнились завистью при виде шелка в моей руке.

– Извини, Брук, отец бы заметил, если б я стащил у него сразу много. Может, в следующий раз.

– Ну конечно, Крошка. Это ты сейчас так говоришь, а в следующий раз все опять достанется Чарли.

Я улыбнулась, услышав кличку, которую Брук дала Арону. Он был выше нее и выше меня, но она упорно называла его Крошкой.

Я аккуратно положила тонкую ткань в сумку, обдумывая, что же мне из нее сшить, и уже мечтая о том, как воткну в нее иглу с ниткой.

С Брук, возглавляющей нашу компанию, мы двинулись вдоль периметра площади, на которой уже собиралась толпа. Как обычно, мы выбрали длинный путь, избегая середины. Хотелось бы верить, что это была идея Брук, или даже Арона, – или что оба они не меньше моего взволнованы происходящим в центре, – но вряд ли так оно и было. Меня это тревожило больше, чем их.

Откуда-то сверху раздалось очередное объявление: «О ЛЮБОЙ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СООБЩАЙТЕ НА БЛИЖАЙШИЙ ПОСТ ПАТРУЛЯ».

– Паспорта, – торжественно объявил Арон, когда мы приблизились к новому пропускному пункту у огромной арки, открывавшей выход на городские улицы. Он полез под рубашку за карточкой, и мы с Брук последовали его примеру.

В последнее время пропускных пунктов возникало все больше и больше; новые устанавливали в течение одной ночи. Этот не отличался от всех остальных: четверо вооруженных солдат, по двое у каждого ряда, одного для женщин и детей, другого – для мужчин. После того как фотографию в паспорте сличали с его владельцем визуально, карточку сканировали в портативном электронном устройстве.

Пропускные пункты ничего не значили: они предназначались не для нас. Мы не были революционерами, которым власти пытались воспрепятствовать в свободном передвижении по городу. Для меня, Брук и Арона пункты являлись обычной мерой безопасности, одним из следствий войны, назревавшей в границах нашего государства.

А с точки зрения Бруклин такие посты были очень кстати, поскольку давали ей возможность оттачивать технику флирта.

Мы с Брук молча стояли в очереди перед пропускным пунктом. Пока наши паспорта сканировали и мы ждали, когда нас отпустят, я наблюдала за Брук, которая в тот момент хлопала своими густыми черными ресницами и поглядывала на молодого солдата, держащего ее карточку.

Он смотрел на сканер, потом перевел взгляд на нее, и уголок его рта едва заметно поднялся. Когда лампочка в портативном компьютере замигала зеленым, Брук шагнула к нему чуть ближе, чем это было необходимо.

– Спасибо, – удерживая его взгляд, промурлыкала она низким хриловатым голосом. Опуская карточку в разрез блузки, она следила, как он за ней наблюдает.

Эти карточки-паспорта были для нас не в новинку. Их использовали с давних пор. Но лишь в последние несколько лет мы были вынуждены носить их с собой и «отмечаться», чтобы королева и ее чиновники знали, где их подданные находятся в любое время дня и ночи. Еще одно напоминание о том, что революционеры все ближе подбирались к короне.

Однажды я видела, как на пропускном пункте арестовали женщину, пытавшуюся пройти через него с чужим паспортом. Она успешно миновала визуальную проверку, но когда ее карточку просканировали, вспыхнул не зеленый, а красный огонек. Паспорт оказался краденым.

Королева не терпела никаких преступлений. Воровство наказывалось столь же жестоко, как измена или убийство: приговор был одним – смерть.

– Чарли! – голос Арона вернул меня в реальность. Сунув паспорт под одежду, я поспешила за ними, не желая опаздывать в школу. Когда я их догнала, за нашей спиной, с переполненной площади, которую мы только что покинули, раздались громкие возгласы одобрения.

Никто из нас не вздрогнул, даже не споткнулся. Мы ничем не выдали, что слышали эти крики – слишком близко к охранникам на посту, которые внимательно за всеми следят.

Я подумала о женщине с краденым паспортом, которую тогда увидела: каково ей было стоять на виселице в окружении толпы зевак, в окружении людей, глумившихся над ней за совершенное преступление. Что если там была ее семья? Они видели люк, открывшийся у нее под ногами? Зажмурились глаза, когда веревка стянула ей шею? Плакали, когда ее ноги безжизненно повисли над пустотой?

Голос из громкоговорителей напомнил нам: **ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН – СЧАСТЛИВЫЙ ГРАЖДАНИН.**

Мое сердце заныло.

– Вы слышали, что деревни вдоль южных границ в осаде? – спросила Бруклин, когда мы миновали солдат на пропускном пункте и шли по менее многолюдным улицам вдали от рынка.

Я посмотрела на Арона. Мы знали, что городки вдоль границы подвергались нападениям – месяцами они были под огнем. Об этом знали все. Нападения стали одной из причин, по которой наш город внезапно наводнили беженцы. Почти все приютили у себя бездомных членов семей и их слуг.

Насколько я знала, моя семья была одной из немногих, кого не коснулась миграция, но только потому, что у нас не было родственников в далеких уголках страны.

– Интересно, когда эти бесчинства достигнут Капитолия? – драматично продолжила Брук.

– Королева Сабара не позволит им добраться до города. Она вышлет свою личную армию прежде, чем они подойдут слишком близко, – возразила я.

Было смешно называть наш город Капитолием, поскольку за его бетонными стенами не скрывалось никого, кто бы действительно им управлял. Название предполагало авторитет и влияние, но на самом деле мы были просто ближайшим городом к дворцу. Королева – единственная, кто обладал истинной властью.

Но у нашего города хотя бы было имя.

Большинство городов Лудании давным-давно лишились такой привилегии, получив название согласно квадрату земли, в котором находились, и выстроившись по размеру. Первый Западный, Второй Южный, Третий Восточный.

Часто детей называли в честь старых городов. Когда-то это была форма протеста – дать новорожденному имя Карлтон, Льюис или Линкольн, – способ выразить недовольство решением монарха, из-за которого города превратились в статистику. Но сейчас это вошло в традицию, и детей называли в честь городов самых разных стран.

Люди предполагали, что мое настоящее имя – Шарлотта – дано в честь далекого и древнего города. Однако, по словам родителей, они не участвовали ни в чем, что могло бы рассматриваться как бунт, пусть даже это всего лишь традиция наделения именем.

Они предпочитали не привлекать к себе внимания.

А вот Бруклин любила хвастаться происхождением своего имени. Великолепный район в величественном городе, которого больше не существует.

Она придвинулась к нам, лихорадочно сверкая глазами.

– Я слышала... – Она сделала многозначительную паузу, чтобы мы прониклись ее информированностью, – что войска королевы стягиваются на восток. Говорят, к повстанцам собирается присоединиться королева Елена.

– Кто тебе это сказал? Один из твоих военных? – прошептала я, почти касаясь ее лба своим и вопросительно заглядывая в глаза. Впрочем, в ее словах я не сомневалась. Брук ошибалась редко. – Откуда ты знаешь, что они тебе не врал?

Брук ухмыльнулась медленной, бесстыжей улыбкой.

– Посмотри на меня, Чарли. Зачем им мне врать? – И добавила уже серьезно. – Говорят, что королева начинает уставать. Она слишком стара, чтобы продолжать сражаться.

– Это чепуха, Брук. Стара королева Сабара или нет, она никогда не сдаст свою страну. – Одно дело – сообщать слухи с фронта, и совсем другое – распространять ложь о нашей королеве.

– А какой у нее выбор? – Брук пожала плечами. – Принцессы, которая займет ее место, нет, а передавать трон мужчине-наследнику она не собирается. Такого не было четыре сотни лет; с чего вдруг она решит сделать это сейчас? Скорее она напишет отречение своей королевской линии, чем позволит королю править страной.

Мы приближались к Академии, и я чувствовала, как в животе растет напряжение.

– Думаю, так и есть, – ответила я встревоженно, больше не желая говорить о политике. – Она не позволит себе умереть прежде, чем найдет подходящую наследницу.

Как бы мне хотелось чувствовать себя спокойной, бесстрашной и независимой перед величественным зданием школы. Но еще больше я хотела, чтобы дети чиновников не заметили, как мне здесь неуютно.

Всё в этой элитной школе, включая безупречную форму учеников, словно кричало: «Мы лучше вас». Даже белые мраморные ступени, которые вели к роскошному входу в Академию, были отполированы до блеска, из-за чего казалось, что спускаться по ним небезопасно.

Я ненавидела себя за желание услышать на этих ступенях стук своих туфель.

Я постаралась не смотреть в сторону учениц, собравшихся наверху лестницы. По какой-то причине именно эти две девушки донимали меня больше остальных – те, что

наблюдали за нами пристальнее своих подруг, и кому нравилось издеваться над нами, когда мы шли мимо.

Сегодня история повторилась. Их одинаковые юбки были отутюжены, аккуратные белоснежные рубашки накрахмалены. Эти девочки наверняка знали, каково это – носить шелк.

Я старалась не обращать внимания, что одна из них начала спускаться по лестнице, не сводя с нас глаз. Она перебросила через плечо светлые золотистые волосы; щеки ее пылали румянцем, глаза сверкали злобой.

Встав на тротуаре прямо перед нами, она подняла руку, приказывая нам остановиться.

– *Куда это вы так торопитесь?* – спросила она на термани, прекрасно сознавая, что нам не дозволено понимать ее слов.

От этой фразы воздух вокруг меня завибрировал так, что мне стало трудно дышать. Я знала, что должна сделать.

Все это знали. Взгляд Арона, стоявшего рядом со мной, уперся в ноги. Бруклин сделала то же самое. Часть меня хотела пренебречь логикой – пренебречь законом; челюсти мои сжались в ответ на ее язвительные слова. Но я знала, что не посмею. И дело было не только в том, что я искушала собственную судьбу – если я нарушу закон, Брук и Арона тоже могут привлечь к ответственности.

Я опустила голову и постаралась не обращать внимания на покалывание рук, чувствуя, что девушка не спускает с меня глаз.

Ее подруги теперь стояли рядом; две из них преграждали нам путь.

– *Не понимаю, почему торговцам вообще разрешают ходить в школу, Сидни.*

И вновь меня окатило горячими воздушными волнами.

– *Не говори ерунды, Вероника; они должны ходить в школу. Как же они научатся отсчитывать сдачу, когда будут на нас работать? Посмотри на их руки. Они уже где-то работают и, возможно, не умеют ни считать, ни читать, ни даже писать.*

Я ненавидела их обеих за то, что они считали нас неграмотными, и до боли сжимала челюсти, чтобы не сказать им все, что о них думаю. Но мои щеки запылали, когда я краем глаза увидела на руках Сидни идеальный маникюр. В этом она была права: мои ногти были короткими, а кожа огрубела от мытья посуды в родительском ресторане. Я отчаянно хотела спрятать их за спиной, но не могла рисковать, поскольку тем самым выдала бы, что понимаю ее нападки.

Не поднимая глаз, я попыталась ее обойти, но она сделала несколько шагов вместе со мной, не уходя с дороги. В моих ушах зашумела кровь.

– *Погоди,* – проворковала она. – *Мы только начали веселиться. Тебе весело, Вероника?*

Повисла неестественная тишина, а затем ее подруга равнодушно ответила:

– *Вообще-то нет, Сид. Я пойду обратно. Они того не стоят.*

Сидни подождала еще несколько секунд, оставаясь у нас на пути, а потом ей надоело, и она последовала за подругой вверх по полированным мраморным ступеням. Я не поднимала головы, пока не услышала, как за их спиной закрылись двери Академии.

Только тогда я позволила себе с шумом выдохнуть.

– Почему они так себя ведут? – спросила Брук, когда мы отошли от сверкающей школы. Ее щеки покраснели, глаза блестели от навернувшихся слез. Она взяла меня за руку. – Что мы им сделали?

Арон был потрясен не меньше нашего.

– Интересно, что они в это время говорят? – хрипло спросил он, устало качая головой.

Я лишь пожала плечами. Это все, что мне оставалось делать. Я не могла сказать им правду о словах Сидни и ее подруги.

Мы подошли к нашей школе, которая была гораздо меньше и скромнее Академии.

Старое здание, построенное не из того привлекательного кирпича, из которого были сложены исторические здания, а из его крошащейся разновидности, выглядело так, будто могло обрушиться в любую минуту. У нас не было ни красивой формы, ни даже названия, как у Академии: мы назывались просто «Школа 33».

Но мы не жаловались. Все-таки это была школа, и нам разрешали в нее ходить. Кроме того, она была открыта, несмотря на войну. За одно только это мы должны быть благодарны. В жизни случались вещи и похуже, чем ходить в школу для детей торговцев.

Например, не ходить в школу вообще.

* * *

Прозвенел утренний звонок, и класс поднялся, как в эту секунду поднялись со своих мест все ученики во всех школах страны. Мы подняли правую руку, согнули локоть, сжали пальцы в кулак, и единственный раз за все время школьных занятий начали говорить на английском.

Мы произносили Королевский Обет:

– Своим дыханием я клянусь почитать королеву превыше всех остальных.

Своим дыханием я клянусь подчиняться законам нашей страны.

Своим дыханием я клянусь уважать старших.

Своим дыханием я клянусь вносить вклад в развитие своего класса.

Своим дыханием я клянусь сообщать обо всех, кто может причинить вред моей королеве и моей стране.

Клянусь соблюдать этот Обет, пока дышу.

Я редко вслушивалась в слова Обета. Я произносила их, и они небрежно слетали с моих губ. За годы ежедневных повторений они стали моей второй природой, почти как дыхание.

Но сегодня – возможно, впервые в жизни – я их услышала. Я обратила внимание на слова, которые мы выделяли: почитать, подчиняться, уважать, вносить вклад, сообщать. В моем сознании возник список приоритетов: королева, страна, класс. Обет был приказом и обещанием, очередным способом королевы требовать от нас защиты ее самой и нашего образа жизни.

Я посмотрела на учеников, на своих одноклассников. Я видела их одежду серых, голубых, коричневых и черных оттенков. Цвета рабочего класса. Практичные цвета. Ткань и фактура были целесообразными – хлопок, шерсть, даже холстина, – прочными и немаркими. Можно было не смотреть, я и так знала, что все они стоят, выпрямившись, подняв подбородок. Наши родители и учителя прививали нам это каждый день – гордость за то, кто мы есть.

Я думала, почему мы родились в классе торговцев? Почему мы лучше одних, но не так хороши, как другие? Я знала ответ: дело не в нас. Такова судьба.

Если бы наши родители принадлежали к классу слуг, сегодня мы бы не пошли в школу. А если бы они принадлежали к классу чиновников, мы поднимались бы по блестящим ступеням Академии.

Учитель откашлялся, и я вздрогнула, осознав, что произнесение Обета закончено, а мой кулак все еще поднят – единственный из всего класса.

Под взглядами сорока пяти детей торговцев, учившихся вместе со мной, я покраснела, опустила руку, изо всех сил сжав кулак, и села на место. Бруклин рядом со мной ухмыльнулась.

Я сердито посмотрела на нее, но она знала, что на самом деле я не сержусь, и ее улыбка стала еще шире.

– *Ты слышала?* – громким шепотом спросил Арон, когда я подошла к нему во дворе во время перемены. Если не считать чтения Обета, паршон был единственным языком, на котором мы имели право разговаривать в школе.

Объяснений не требовалось. Конечно, моих ушей уже достигли последние слухи. Придвинувшись к нему на каменной скамье, я тоже понизила голос.

– *Не знаешь, они арестовали всю ее семью? Даже родителей, братьев и сестер?*

К нам присоединилась Брук и по нашему приглушенному тону, по глазам, которые нервно бегали, осматривая всех вокруг и никому не доверяя, сразу поняла, о чем идет речь.

– *Чейен?* – спросила она полупшепотом.

Я вытащила из сумки обед и протянула его Брук: с тех самых пор, как у нее умерла мама, обеды ей готовила моя мать.

Она уселась по другую сторону от Арона, и наши головы сомкнулись.

Арон кивнул, сначала посмотрев на меня, потом на Бруклин.

– *Как я слышал, они пришли ночью и взяли только ее. Сейчас она во дворце, на допросе, но дела у нее неважные. Говорят, на этот раз есть реальные доказательства.*

Мы замолчали и выпрямились: мимо нас по траве шел мальчик, собиравший мусор вдоль дороги. Он ни с кем не говорил, просто шел, медленно, методично и аккуратно. Будучи из класса слуг, он знал всего один язык – англес. Если не считать произнесения Обета, в стенах нашей школы ему было запрещено разговаривать. Он смотрел вниз и собирал мусор.

Мальчик был чуть старше Анджелины – шесть или семь лет, – с непослушными черными волосами и мозолями на грязных босых ногах. Из-за опущенной головы я не видела цвета его глаз.

Он остановился, ожидая, не будет ли у нас мусора. Взяв свой обед, я достала печенье, которое испекла моя мать, и протянула его мальчику, сначала убедившись, что никто не видит лакомства в моей руке. Я надеялась, что он на меня посмотрит, но он никогда бы этого не сделал.

Когда мальчик оказался рядом, я сунула ему в руку печенье так, словно это был мусор, оставшийся после обеда. Любой, кто это увидел, ничего бы не заподозрил.

Мальчик взял печенье, как делал это каждый день, но я тщетно ожидала от него энтузиазма или благодарности. Выражение его лица оставалось пустым, глаза опущенными. Он был осторожен... и умен. Возможно, умнее меня.

Уходя, он сунул печенье в карман; заметив это, я мысленно улыбнулась.

Мое внимание привлек голос Бруклин.

– *Какие доказательства они нашли?* – напряженно спросила она Арона. Новости о заключении Чейен взвинтили нервы всем нам.

К сожалению, Чейен была не одинока. Слухи об измене короне начали пускать корни, возникнув, словно вирус, и распространяясь, как чума. Измена заражала и разлагала обыкновенных граждан, поскольку власть сулила награду любому, кто сообщит о подозреваемых в подрывной деятельности. Люди отворачивались друг от друга, искали информацию против друзей, соседей и даже членов семьи, только чтобы получить благосклонность королевы. Доверие стало той роскошью, которую мало кто мог себе позволить.

А подлинные доказательства – те, что можно подтвердить фактами, а не мелочными слухами, – означали смерть.

– *Они нашли у нее карты. Карты, принадлежащие сопротивлению.*

Брук поджала губы и опустила голову.

– *Вот черт.*

Но меня это не убедило.

– *Откуда им знать, что это карты повстанцев? Кто тебе сказал?*

Он посмотрел на меня печальными глазами с золотистыми крапинками.

– *Брат Чейен. А сдал ее отец.*

Остаток дня я провела в размышлениях о Чейен Гудвин.

Что это значит, когда отец сдает в полицию собственную дочь? Когда родитель обвиняет своего ребенка?

Разумеется, я беспокоилась не о себе. Мои родители всегда были самыми надежными, верными и преданными.

Я знала это, поскольку они всю жизнь хранили мой секрет.

Но как же другие люди? Что если восстание будет только набирать силу, и королева продолжит чувствовать угрозу?

Сколько еще родителей сожрут своих детей?

Королева

Королева Сабара накрыла колени шерстяным пледом и разгладила его крючковатыми пальцами. Она была слишком стара для сквозняков: кожа стала тонкой, как бумага; вялая плоть свисала с усталых костей.

В комнату вошли две прислужницы, низко кланяясь и говоря друг с другом тихо, словно не желая ее напугать.

Какая нелепость, подумала королева. Она была стара, а не пуглива.

Одна из служанок – новенькая – сдуру потянулась к выключателю, чтобы зажечь электрическую люстру на потолке. Вторая девушка вовремя одернула ее, ухватив за запястье прежде, чем та совершила ошибку. Ясно, что она работала здесь недавно и не знала, как королева ненавидит свет электрических ламп, предпочитая ему свечи.

Сабара внимательно следила за парой: зрение ее оставалось столь же острым, как и всегда. Девушки подбросили дров в камин и пошуровали огонь. Спустя какое-то время она отвернулась и посмотрела сквозь широкие окна на зеленые лужайки дворца.

Ей было о чем поразмышлять: на сердце лежала тяжесть, бремя страны, охваченной беспорядками... ее страны. Она не могла не думать, что случится с тронном, если силы повстанцев не будут остановлены в ближайшее время. Они уже нанесли огромный урон, и ее тело страдало от видения ран, полученных ее землями и подданными.

Она не знала, сколько еще сможет выдержать такая старуха.

Но Сабара вновь напомнила себе, что выбора у нее нет. Если бы существовал тот, кто смог бы занять ее место, она бы уступила его с радостью. Горькая истина заключалась в том, что такого человека не было.

Это тело оказалось предателем, и она проклинала его, давшего лишь одного наследника – сына. Единственного скромного мальчика.

А затем она мысленно прокляла и своего сына, чье семя было более плодовитым, но у кого также не родилось дочерей.

Все они глупцы. Слабые, неспособные управлять страной... неспособные дать то, что ей требовалось.

Если бы только слухи из прошлого оказались верны! Если бы ей удалось найти Единственную, потерянную наследницу старого престола, которая смогла бы взойти на трон после нее. Но если такая девушка существовала, королева должна была отыскать ее первой. Прежде, чем ее найдут враги.

А до тех пор или пока не родится другой подходящий ребе нок, она обязана оставаться у власти. Она обязана жить.

Королева пристально рассматривала слуг, которые занимались своей работой, не осмеливаясь даже взглянуть в ее сторону. Они прекрасно помнили свое место. Когда в зал стремительно вошел ее главный советник, он едва привлек их внимание.

Сабара наблюдала, как он подходит и низко кланяется, нетерпеливо ожидая, когда королева позволит ему выпрямиться.

Она изучала его макушку, оттягивая этот момент дольше, чем было необходимо, прекрасно зная, что стоять ему неудобно, потому что у старика болит спина.

Наконец, она кашлянула.

– В чем дело, Бакстер? – нараспев произнесла она, давая ему знак выпрямиться.

Он бросил подозрительный взгляд на служанок, которые смотрели на него. Однако в тот момент, когда с его губ сорвались первые слова на королевском языке, обе служанки опустили глаза к полу под их ногами.

– *Генерал Арнофф собирает войска вдоль восточной границы. Если королева Елена настаивает на присоединении к повстанцам, скоро начнется битва. На ее совести будет кровь.* – Он сделал паузу, чтобы выровнять дыхание, и продолжил: – *Однако я опасюсь, что у нас есть куда более серьезная проблема.*

Под холодной наружностью королевы бурлил гнев. Она не должна заниматься такими вещами. Не должна выслушивать военные доклады, решать, какое войско принести в жертву, думать о том, сколько еще времени пройдет, пока группировки повстанцев не возьмут в осаду ее дворец. Все это должно стать проблемой нового правителя, а не немощной старой женщины.

Она посмотрела на девушку-служанку – новичка во дворце – и захотела, чтобы та оторвала взгляд от пола, отважилась нарушить не только этикет, но и закон, подняв глаза во время разговора, происходящего на языке высшего класса.

Девушка служила королеве всего пару недель, но этого было достаточно, чтобы ее заметили, и более чем достаточно, чтобы понять – королева отнюдь не милостива. Она прекрасно знала, когда нельзя поднимать глаза, и сосредоточенно глядела на ноги.

– *И какая же? Говори, с чем пришел,* – настойчиво произнесла Сабара, зная, что он бы не побеспокоил ее, если б не плохие новости. Смотреть она продолжала на девушку.

– *Ваше Величество,* – раболепно произнес Бакстер, склоняя голову. Он не знал, что королева не обращает на него внимания. – *Восстание становится все сильнее. Мы считаем, что число бунтарей удвоилось или даже утроилось. Вчера вечером они взорвали железнодорожные пути между Третьим Южным и Пятым Северным. Это была последняя торговая дорога между севером и югом, а значит, в наших городах прибавится сельских жителей, которые придут туда за едой и вещами. Потребуются недели...*

Не успел Бакстер закончить, как Сабара поднялась на помосте, взирая на него сверху вниз.

– *Эти бунтари – простые бродяги! Селяне! И ты мне говоришь, что армия военных не способна с ними справиться?*

И в этот момент девушка-служанка совершила фатальную ошибку. Ее голова шевельнулась, всего на миллиметр. Этот сдвиг был едва заметен, но глаза...

...ее глаза приподнялись во время королевских слов. Слов, которые она не понимала и которые ей запрещалось понимать.

А королева за ней наблюдала.

Губы Сабары превратились в узкую линию, дыхание стало сбивчивым. По телу прошла дрожь восторга, которую она едва смогла сдержать. Как она ждала этого момента!

Бакстер понял, что что-то происходит, но оставался на месте, замерев и глядя на то, как королева медленно и величественно поднимает руку, давая знак страже у двери.

Девушка казалась слишком потрясенной, чтобы что-то делать; она напоминала животное, попавшее в поле зрения охотников. Сабара загнала ее в угол.

Она представила, как могла бы разобраться с девушкой самостоятельно: в кончиках ее пальцев возникло покалывание от предвкушения, а ладонь начала сжиматься в легендарный кулак. Будь она моложе и сильнее, стиснуть пальцы было бы просто. Через несколько секунд девушку настигла бы смерть.

Но сейчас она не могла позволить себе такую расточительную трату энергии и расслабила руку, сделав быстрый летящий жест в направлении обреченной служанки.

– На виселицу ее, – приказала она, перейдя на английский, чтобы все в зале смогли понять сказанное. Ее плечи были прямыми, голова высоко поднята.

Стражники направились к девушке, не посмевшей им сопротивляться и даже молить о пощаде. Она знала, что нарушила закон. И знала, что за это бывает.

Королева наблюдала, как стража уводит девушку из зала. Она ощущала себя такой живой, какой не чувствовала уже давно.

Она только что нашла себе новое развлечение.

Глава вторая

Я нагнулась за вилкой, с дребезгом упавшей на пол, и смущенно улыбнулась мужчине, одиноко сидевшему за столом.

– Сейчас принесу чистую, – сказала я, поднимая вилку с пола.

Ответная улыбка преобразила все его лицо, добравшись до глаз и удивив меня. Люди из класса чиновников редко бывали искренними.

Что ж, это хорошо. По крайней мере, вилку не пришлось вылизывать, думала я, ухмыльнувшись Бруклин по пути к прилавку.

Брук несла из кухни корзину со свежее испеченным хлебом.

– Видела парней за шестым столиком? – Она подмигнула. – Надеюсь, сегодня мне кое-что перепадет.

Бруклин утверждала, что причина, по которой она работает в ресторане моих родителей, а не в лавке своего отца-мясника, – чаевые, однако я знала, что это не так. После смерти матери она использовала любой предлог, чтобы оказаться подальше от дома и от дел своей семьи. Работа и дополнительный заработок были удобным способом избежать болезненных воспоминаний и отца, который больше ее не замечал.

Какими бы ни были эти причины, мне нравилось, что она рядом.

Я обернулась и посмотрела на трех мужчин, занявших угловую кабинку. Двое из них, казавшихся слишком большими для своего столика, голодными глазами пожирали Бруклин. Именно так смотрели на нее большинство мужчин.

Я подняла брови.

– Вряд ли их чаевые станут для тебя проблемой.

Она нахмурилась.

– Вот только самый симпатичный из них не замечает меня в упор.

Я посмотрела на того, о ком она говорила. Третий мужчина, моложе и чуть поменьше, явно скучал в присутствии своих спутников и всего, что его окружало. Брук не любила, когда на нее не обращают внимания. Ее глаза хитро сверкнули.

– Наверное, мне надо подключить все свое обаяние.

Покачивая головой, я взяла новую вилку для клиента, ожидавшего за моим столом. Я не сомневалась, что к концу смены карманы Бруклин будут полны.

Когда я возвращалась с вилкой, мое сердце забилось быстрее, а щеки покраснели.

Чиновник больше не обедал в одиночестве – пока меня не было, к нему присоединилась семья.

Сидевшую рядом девушку я узнала сразу и решила, что это его дочь. Почти каждое утро я встречала ее у Академии. Это она получала извращенное удовольствие, насмехаясь надо мной и моими друзьями. Сидни. Сейчас она была в школьной форме, вновь напомнив мне о том, что в ее жизни полно преимуществ и ей не приходится после школы бежать в ресторан родителей, чтобы работать в нем весь вечер.

Внезапно мне захотелось оплевать все их вилки. Возникло непреодолимое желание развернуться и избавиться себя на этот вечер от работы, сказать отцу, что я плохо себя чувствую и ухожу домой.

Однако я изобразила на лице свою лучшую фальшивую улыбку, – которая определенно не затрагивала глаз, – и сосредоточилась на том, чтобы не споткнуться о собственные ноги по пути к столу.

Я поменяла вилку и взглянула на сидевшую передо мной идеальную семью чиновников: мать, хладнокровная и серьезная; любящий отец; избалованная дочь. Я постаралась не

слишком на них пялиться. Не хотелось давать Сидни повод для радости, если вдруг она поймет, что я ее узнала, хотя она-то меня узнала наверняка.

– Принести вам что-нибудь выпить? – спросила я, с облегчением ощутив, что в моем голосе нет дрожи. Это был хороший знак.

Я не хотела нервничать. Наоборот. Каждый день последние двенадцать лет я проходила мимо высокомерных детей чиновников – в том числе мимо *нее*, – и устала притворяться, будто не слышу презрения в их голосе. Или в их словах.

Сидни не ответила напрямую, и моя кожа начала зудеть до самых костей в таких местах, где я никогда бы не смогла ее почесать.

Она посмотрела на мать в безупречном костюме белого цвета, который у торговцев встречался редко. Он был непрактичным и быстро пачкался. Возможно, она была доктором, адвокатом или даже политиком. В тот момент, когда Сидни открыла рот, чтобы передать свой заказ через мать, мир вокруг меня завибрировал, знакомым образом предупреждая, что понимать следующие слова я уже не должна.

– *Скажи ей, пусть принесет воды.* – Я ощутила на себе пристальный взгляд Сидни. – *Нет, стой! Сначала спроси, подают ли у них чистую воду.* – Плавный говор чужого языка казался мне грязным. Я заставляла себя смотреть вниз, пока они общались между собой.

– Спасибо, – произнесла женщина, вернувшись к англезу, и в ее словах уже не было той масляности. – Мы будем только воду.

Услышав общий язык, я подняла голову.

– Я дам вам несколько минут, чтобы вы изучили меню, – ответила я как можно вежливее, стараясь подражать дипломатичной интонации матери. «Точно, политик», – подумала я и добавила:

– Вернусь с водой.

Я пряталась за стеной так долго, как только могла себе позволить, медленно разливая воду в три стакана. Мне очень хотелось что-нибудь с ней сделать, но я знала – если отец увидит меня за этим занятием, его хватит удар, – и не хотела брать на себя ответственность за вдовство матери и сиротство сестры. Я сказала себе, что не поддастся такому желанию – признак невероятной силы воли, и была очень собой горда.

Я несколько раз вздохнула, осматривая ресторан. Мне хотелось попросить Бруклин поменяться столиками – только на этот раз, – но это сочли бы оскорблением: так я нанесу обиду семье чиновников, сидевшей за моим столом. А Брук была счастлива: она могла флиртовать с мужчинами и льстить им, чтобы заработать чаевые. Кроме того, она ненавидела детей чиновников почти так же, как я.

Она бы ненавидела их больше, если бы понимала, что они говорят.

Выбора у меня не было, поэтому я собрала стаканы и направилась в переполненный зал.

– Вы решили, что будете заказывать? – спросила я на беглом англезе.

Сидни вновь не стала скрывать ядовитого тона, и я почувствовала, как моя решимость тает.

– *Я хочу пойти в другое место. Не понимаю, почему мы не можем поесть в каком-нибудь менее...* – Она бросила на меня взгляд прежде, чем я успела опустить голову, и на секунду наши глаза встретились. – *... убогом заведении.*

Щеки мои горели, я пыталась заставить себя отвернуться, но не могла. Это было правильно. Это было проявлением уважения. Законом. Она разговаривала не со мной; я не должна понимать, что она говорит.

Но я понимала.

Когда я ставила стаканы, мои руки задрожали. Вода выплеснулась через край и залила горящие свечи; их фитили зашипели и погасли.

Сидни деланно застонала и вскочила со стула так, словно я плеснула водой ей в лицо. Она уставилась на меня, потрясенно открыв рот, и когда я взглянула вниз, то увидела на ее белоснежной блузке крошечные капли воды.

– Идиотка! – взвизгнула она, и на этот раз я все прекрасно поняла. Все поняли. – Она на меня посмотрела! – обвиняюще произнесла она, обращаясь не ко мне и так громко, что теперь ее слышал весь ресторан. – Вы это видели? Она смотрела прямо на меня, когда я говорила на термани!

Отец, мужчина с улыбающимися глазами, попытался ее успокоить, перейдя на термани, язык чиновников:

– Сидни, успокойся....

– *Не говори мне успокоиться – эта дура практически на меня напала! Надо что-то делать. Она нарушила закон. Поверить не могу, что тебя это не волнует. Почему ты не требуешь ее повесить?* – Она ожесточенно промокнула носовым платком невидимые капли. – *Мама, сделай что-нибудь! Скажи, что эту... эту имбецилку должны арестовать!*

На этот раз я смотрела вниз, делая вид, что не слушаю, как она обо мне отзывается – такие слова не следовало произносить вслух ни на одном языке.

Меня парализовал страх, горло сдавило. Я отважилась быстро осмотреть зал, не поворачивая головы. Замерев, на меня смотрела Бруклин; трое мужчин, сидевших за ее столом, также не спускали с меня глаз. На секунду я встретилась взглядом с третьим мужчиной, внимание которого Бруклин пыталась завоевать. Его глаза были темны, взгляд напряжен и сосредоточен на мне. Он наклонился вперед, от его скуки не осталось и следа.

Я скривилась, услышав, как из кухни выбегает отец, чтобы узнать, в чем дело. Посмотрев в его сторону и наткнувшись на его взгляд, я испытала ужас, догадываясь, какую ошибку совершила.

Смертельную.

– Простите, – громко сказала я, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Что произошло? – спросила Брук, подбежав ко мне и так крепко схватив за руку, что от пальцев отлила кровь. – О чем она говорит? Ты ведь не смотрела, правда?

Я взглянула на нее, все еще не в силах ответить или даже вздохнуть.

Я слышала доносившийся из ресторана спокойный и ровный – очень дипломатичный – голос матери девушки. Мой отец молчал, остальные звуки тоже стихли. Я хотела послушать, о чем она говорит, но двери были закрыты, а в ушах громко стучала кровь.

Брук еще крепче сжала мою руку, округлившимися глазами ища ответ на моем лице.

Внезапно женщина замолчала, и мы обе повернулись к дверям.

Наступила долгая тишина; казалось, мое сердце вот-вот разорвется. Каждый удар отдавался болью; я говорила себе, что этого не может быть, что я не могла совершить такой ужасный промах. Конечно, меня не простят. Родители так старались научить меня, так упорно внушали важность *никогда* не путать один язык с другим... Никогда в жизни не нарушать правил.

Но это случилось. Я ждала, вынесут ли мне смертный приговор.

Наши с Брук пальцы сплелись воедино, дверь распахнулась, и мы увидели серьезное лицо отца, смотревшего на наши руки.

Пока конфликт не разрешился, мать вывела Анджелину на улицу. Ей не хотелось, чтобы моя сестра слушала, о чем они говорят.

– Что? – сдавленно выдохнула Брук. – Что она сказала? Что они решили? – Ее ногти впились в мою ладонь.

Отец смотрел на меня, и я почти слышала его укоризненные мысли, чувствовала его разочарование. Однако это не был взгляд, которым смотрят на человека, отправляющегося на виселицу, и комок в моей груди начал постепенно ослабевать.

– Они не будут на тебя заявлять, – ровно произнес отец, и я подумала, сознает ли он, что все еще говорит на английском. – Они считают, что девушка ошиблась, что она была расстроена, поскольку ты пролила воду.

– Но я не...

Под его тяжелым взглядом я оставила попытку оправдаться. «Не смей мне лгать», – говорили его глаза. И он был прав. Я замерла в ожидании.

– Тебе повезло, Чарлина. На этот раз никто не понял... – Теперь пришла его очередь сдерживаться – рядом со мной стояла Бруклин. Бруклин не знала, что я умею делать. В конце концов, он вздохнул и заговорил уже на паршоне, смягчив голос. – *Девочки, вы должны быть осторожнее.* – И хотя обращался он к нам обеим, я знала, что его слова адресованы исключительно мне. – *Всегда.*

– Чарли, это первый клуб, о котором мы слышим за многие недели. Туда просто нельзя не сходить.

Я только что закончила отмывать последний стол и чувствовала страшную усталость, однако не жаловалась. Я много работала, но родители работали еще больше, от рассвета до заката, и никогда не сетовали на усталость, хотя я видела, как на лице матери она вырезает новые морщины и как мой отец с каждым днем становится все тревожнее.

– Не знаю, Брук. Клуб – последнее место, куда я хочу сегодня идти. Откуда ты вообще о нем знаешь?

– От парней за шестым столиком. Они дали мне адрес и сказали, чтобы я привела тебя. – Она подвигала бровями вверх-вниз. – Они о тебе спрашивали – точнее, один из них. Думаю, он на тебя запал.

– Или, может, просто пожалел после того, как меня чуть не повесили. – Брук замерла, и я решила, что шутить на эту тему еще рано. Моя шутка ей не понравилась.

– Лучше я пойду домой, – проговорила я, решив сменить тему. – Папа на меня очень сердит.

Но Бруклин не сдавалась.

– Сейчас еще рано, а на ночь ты можешь остаться у меня. Он не узнает, что ты пойдешь в клуб. Кроме того, у него будет возможность немного остыть. – Она взглянула на меня так, как смотрела своими огромными глазами на десятки разных мужчин. – Сходим ненадолго, а если тебе не понравится, уйдем.

Я оставила свою работу и положила руки на бедра, провоцируя ее посмотреть мне в глаза и попытаться соврать еще раз.

– Нет, не уйдем.

– Клянусь, уйдем.

Я поджала губы и, чувствуя, что начинаю сдаваться, спросила:

– А как быть с Ароном? Он пойдет?

Ответ был известен заранее. Бруклин никогда не предлагала Арону развлекаться вместе с нами.

Она закатила глаза, словно мой вопрос был бессмыслицей.

– Чарли, ты же знаешь – в клубах не ждут парней. Кроме того, Крошка будет постоянно дергаться и опекать тебя.

Пока мы убирались перед закрытием, дверь, ведущая из кухни в зал, распахнулась. Вошел мой отец, и я поймала на себе его твердый, пристальный взгляд. Он пригвоздил меня к земле, вновь напомнив о совершенной ошибке.

Когда он скрылся в недрах кухни, я посмотрела на Бруклин.

– Ладно, – пробормотала я, решив, что она, быть может, права и отцу надо дать время успокоиться. – Я пойду.

Глава третья

Бруклин наверняка понимала, что у меня были сомнения, и очень большие.

Я осмотрелась. Что-то здесь казалось неправильным. Большинство клубов находилось на окраинах и при этом пряталось в индустриальных районах, но это место было темнее и грязнее, чем любое, где мы бывали прежде.

С улиц позади до нас донеслось слабое потрескивание громкоговорителя. Сообщение было настолько приглушенным и невнятным, что если бы я не помнила его наизусть, то не сумела бы разобрать слова: «ВСЕГДА НОСИТЕ С СОБОЙ ПАСПОРТ».

Казалось, даже королева махнула рукой на эту часть города.

– Серьезно, Чарли, перестань волноваться. Мы в нужном месте.

Кирпичные здания были покрыты слоями выцветшего граффити. На земле среди гниющего мусора валялись окурки. К отвратительной воні разлагающихся продуктов добавился запах человеческих отходов, и я едва сдерживала подступающую тошноту.

Как ни странно, здесь не было новых бездомных из класса слуг, которые заполонили весь город и спали теперь на улицах и тротуарах, укрывались в подъездах и аллеях, рылись в мусорных баках в поисках остатков еды и кланчили мелочь.

Пока мы шли, я слышала – и чувствовала – далекие ритмы музыки, которые пытались вырваться на свободу, доносясь из расположенного перед нами склада.

Бруклин остановилась, указав на пятно красной краски, видневшееся ближе к концу улочки.

– Я же тебе говорила! Вот он.

Ошибиться было трудно: это оказалась единственная недавно выкрашенная дверь. Возможно, впервые за многие годы. Или даже за десятилетия.

Бруклин вырвалась вперед и взбежала по двум ступенькам на каблуках, казавшихся чересчур высокими; эти туфли когда-то принадлежали ее матери. Я взглянула на свои простые сандалии, коричневые кожаные ремешки которых оплетали мои голые лодыжки.

Она постучала в закрытую железную дверь, выкрашенную в алый цвет. Звук тут же поглотили доносящиеся изнутри ритмичные басы.

Она постучала вновь, на этот раз изо всех сил колотя по двери кулаком.

Ничего.

Я отодвинула ее в сторону.

– По-моему, надо просто войти. – Я ухватила за железную ручку и потянула на себя. Когда дверь открылась, музыка пронзила меня до самых костей, соблазняя ритмами.

Бруклин запрыгала на месте, хлопая в ладоши, а потом в мгновение ока влетела внутрь.

Я поспешила следом, не собираясь оставаться на улице в одиночестве.

У входа нас остановил огромный мужчина, подняв руку, которая в обхвате казалась не меньше моего тела, и взял у Брук паспорт. Его молчание должно было нас запугать, однако это был не бандит, несмотря на все свои мускулы и сердитый взгляд, а обыкновенный вышибала, каких мы встречали в любом клубе, куда нас заносило.

А потом он перевел взгляд с паспорта на Брук, и меня передернуло. Я ненавидела этот момент.

Он знал, что мы несовершеннолетние, а мы знали, что он это знает и если он нас пустит, то только в качестве одолжения. Конечно, мы пройдем, но прежде он кое-что за это возьмет.

Он рассматривал Брук, пожирая ее глазами, оценивая с головы до пят.

Бруклин не возражала. Она улыбалась, изо всех сил стараясь выглядеть соблазнительной, и мне пришлось признать, что это у нее получалось. И получалось весьма убедительно. Ничего странного, что она привлекала внимание военных по всему городу.

Во мне все переворачивалось, когда он критически оценивал ее, полуприкрыв глаза. Взгляд останавливался на обнаженных местах ее тела – на шее, плечах, руках.

Закончив, здоровяк кивнул незаметной девушке, которая стояла рядом с ним, почти целиком скрытая в его тени. Чернильного цвета волосы были собраны в ниспадающий каскадом хвост; вдоль бледного лица вились крошечные черные пряди, из-за чего она выглядела юной. Слишком юной, чтобы быть в клубе.

Как я и Брук.

Девушка взяла Брук за руку и поставила на нее печать чернилами, которых в этом свете было не разглядеть.

Теперь настала моя очередь.

Я вложила паспорт в его огромную руку, надеясь избежать подобного осмотра, но тщетно.

Это воспринималось как насилие. Я старалась не обращать внимания на его взгляд, но все же там, где оказывались его глаза, по телу начинали бегать мурашки.

Почувствовав, что он изучает мое лицо, я вызывающе посмотрела на него. Плечи окаменели, но я не стала отворачиваться.

Он ухмыльнулся, довольный моей демонстрацией; под светом красных ламп его зубы окрасились алым, губы сузились. Этот человек не принадлежал ни к одному классу. В этом я была уверена. Все в нем говорило о чем-то совершенно ином. Какой класс исторг его из себя? Или же он родился среди изгоев, не по своей вине обреченный на жизнь, в которой ему не разрешалось говорить на публике... даже на английском?

Я постаралась не мигать, но в этой игре он был лучше меня, и вскоре мне пришлось отвернуться и уставиться в пол.

Его хохот заглушил музыку, и уголком глаза я заметила, что он еще раз кивнул. Невысокая девушка с хвостом вновь выскочила вперед, ухватила меня за руку и поставила печать, сразу после этого исчезнув за громойлой. Кожу под печатью начало пощипывать из-за наркотиков, которые добавлялись в тушь, чтобы расслабить клиентов. Особенно женского пола. Особенно несовершеннолетних.

Мы считали это ценой за вход.

Сканируя паспорта, он не обратил внимания на наш возраст и вернул их нам. Я не знала, куда уходит информация со сканеров, но здесь военные за нами не следили, поскольку клубы были не вполне законны.

Это не означало, что клубы запрещены, но они редко оставались открытыми дольше нескольких дней. Максимум неделю.

Бруклин ухватила меня за руку и потянула прочь от входа, навстречу идущей изнутри гипнотической музыке.

Я чувствовала, как четкий ритм басов отзывается в моих венах, и сердце билось в такт вспыхивающим огням, расположенным на потолочных балках. В тот миг я забыла о раздражении, охватившем меня во время осмотра, который я только что пережила.

Так давно я никуда не выходила, так давно не слышала настоящей музыки, что доносились сейчас из электрической акустической системы! Звуки скользнули под кожу, найдя там теплое, уютное местечко.

– Здесь потрясающе, правда? Тебе мозги сносит? Тебе здесь нравится? – Сумасшедшая манера Брук разговаривать была бы непонятна любому, но я знала ее с детства. Я могла раскусывать эти автоматные очереди слов, как орешки.

Я осмотрела клуб. Она права. Здесь действительно было потрясающе.

В нем имелось все, что нужно. Темную, чувственную атмосферу усиливали красные, синие и фиолетовые лампы, мигающие в такт музыке. Вдоль стены просторного помещения вытянулась барная стойка из стекла и стали.

Это впечатляло, учитывая тот факт, что вчера, возможно, клуба еще не существовало, а завтра он мог исчезнуть вновь.

Большой танцпол заполняли притиснутые друг к другу тела, которые скользили, вращались и раскачивались под чарующий ритм. Один взгляд на них вызывал желание присоединиться к этому всеобщему движению.

Ритм все туже оплетал меня своими пальцами.

– Как называется этот клуб?

– «Добыча», – ответила Брук, и я улыбнулась.

Конечно, «Добыча». Всегда что-то темное, опасное. Что-то кроважадное.

Бруклин подтащила меня к бару, достала свой кошелек и выудила несколько банкнот.

– Можно две «Валки»?

Дрожь в ее голосе была едва различима.

Барменом оказалась жилистая женщина с тонкими голыми руками. Она выглядела крепкой и сама вполне могла бы быть вышибалой. Короткие торчащие волосы окрашены в темно-синий цвет, язык то и дело касался пирсинга на нижней губе. Ее странный андрогинный облик обладал определенной красотой, и, судя по тому, как барменша двигалась, доставая бутылку, чувствовала она себя в нем прекрасно. Прищулив черные глаза, она поглядела на нервную девушку перед стойкой.

Бруклин расправила плечи и постаралась твердо встретить ее прямой взгляд.

Наконец, барменша поставила на прилавок два бокала и наполнила их мерцающей синей жидкостью.

– Двенадцать, – произнесла она хриплым голосом, одновременно твердым и чувственным. Когда она подвинула нам напитки, я вдруг поняла, какими мы были еще маленькими.

Бруклин положила на прилавок единственную банкноту, и женщина убрала ее в карман. О сдаче и чаевых разговоров не было.

Взяв бокал, я сделала глоток. Сладкий вкус плохо скрывал едкость обжигающего ликера, который прочертил огненную дорожку от горла до самого желудка. Бруклин торопилась и пила жадно, проглотив половину бокала за три долгих глотка.

Я покатила холодное стекло по тыльной стороне руки, где щипала печать, поставленная девушкой у входа. На коже проступал яркий красный контур в форме полумесяца.

Теперь, чтобы его увидеть, ультрафиолета не требовалось. Ни мне, ни всем остальным.

Я почувствовала себя отвратительно, настроение испортилось. Беспокойство вполне могло быть вызвано наркотиком, проникшим в мою кровь из печати. Его потенциальным побочным эффектом была паранойя.

Бруклин махнула рукой, указав на противоположную сторону зала.

– Смотри, у них тут встречается кое-что приличное, – произнесла она густым, как мед, голосом.

Напротив нас у перил над танцполом стоял мужчина и с дерзкой улыбкой глядел на клубок тел внизу.

Он и привлек внимание Брук.

Ничего нового. Бруклин очаровывали самые разные мужчины. С раннего детства она сходила с ума по мальчикам, но ей пришлось ждать, пока ее тело повзрослеет. И когда это случилось, ничто больше не могло ее остановить.

– Так, – сказала она, осушив бокал до дна. – Держи. Я скоро вернусь. – И добавила, полуобернувшись: – Нам нужна закуска.

«Типичная Бруклин», – думала я, ища место, куда бы деть ее пустой бокал. Стараясь не выглядеть потерянной, я пробралась к перилам взглянуть на танцоров, постепенно пьянея и готовясь ждать.

Я оперлась локтем о стальной поручень и вновь попыталась разобраться, что же со мной не так. Мне следовало радоваться: нам удалось пройти мимо вышибалы у входа. А что еще важнее – получить выпивку у барменши.

Вероятнее всего, дело было не в печати с наркотиком, а в том, что случилось в ресторане.

Отовсюду до меня доносились разговоры на разных языках, но здесь никто не заставлял меня отворачиваться или притворяться, будто я не понимаю слов. Никто из этих людей и не подозревал, что я знаю, о чем они говорят.

Потому что здесь не было правил.

Я родилась в семье коммерсантов и принадлежала к классу торговцев. Помимо англеза – языка, общего для всех, я имела право знать только паршон. Это был второй и последний язык, который я могла понимать.

Но я не была похожа на других.

Я была единственной.

Такая свобода являлась элементом привлекательности подпольных клубов, мест, где класс не имел значения, где социальные границы размывались. Военные сидели здесь рядом с людьми в розыске, с выродками и отбросами общества, притворяясь хотя бы ненадолго, что они друзья. Что они равны. И дочь торговцев могла забыть о своей доле.

Это все, о чем я мечтала.

Но я была прагматиком. Я не грезила о другой жизни, не думала о том, как избежать ограничений своего класса, поскольку сделать это было невозможно. Я та, кто я есть, и ничто этого не изменит. Такие места, как «Добыча», – всего лишь притворство, ночная передышка.

Отойдя от перил, я окунулась в море тел, замечая окружающие цвета. Я всегда обращала на них внимание. В клубе можно было не носить одежду практичных, тусклых оттенков коричневого, черного и серого. Здесь, где разделения на классы не существовало, цвета обретали материальность. Одежда, временная краска для волос, помада и лак для ногтей сияли переливающимися оттенками изумрудного, алого и сливового. В этих стенах даже темно-синие и черные цвета казались более глубокими и насыщенными.

Бруклин в мерцающем золотом платье, которое блестело в свете вспыхивающих ламп, открывая ее крепкие ноги, отлично сюда вписывалась. Я же была одета в свое обычное серо-коричневое льняное платье, спускавшееся ниже колен.

Я смотрела на окружающих меня людей. В основном это были такие же, как мы, несовершеннолетние. Молодые, энергичные, не имеющие отдушины в реальной жизни. Они – *мы*, поправила я себя, пусть даже мое платье было тусклым и унылым, – создавали причудливую человеческую радугу.

Я протиснулась к подмосткам, возвышавшимся над танцполом, где едва одетые девушки разогревали толпу. Их тела и движения поистине завораживали. Они должны были развлекать нас весь вечер.

Я обратила внимание на одну танцовщицу: движения ее бедер идеально соответствовали пульсирующим ритмам песни. На нее падал голубой свет прожектора, из-за чего казалось, будто ее кожа светится неестественным оттенком сапфирового. Из тонкого ремешка, охватывающего ее шею, тянулись бусы, доходя до пояса, который свободно охватывал бедра. Когда она покачивалась, бусины ударялись друг о друга, сдвигались, перемещались и расходились вновь. Как и у остальных танцовщиц на платформах, бусы почти ничего не закрывали, но в этом и состоял смысл.

Ее длинные ноги, изящные и гибкие, будто предназначались для выступления в такой манере. Возможно, она действительно этому училась. Жизнь изгоев не была похожа на жизнь всех остальных: они выполняли работу, считавшуюся непрестижной для тех, кто входил в систему классов.

Танец наверняка попадал в эту категорию. Особенно тот, что исполняла девушка.

Я наблюдала за ней несколько долгих минут, восхищаясь свободой, которая у нее была на этой сцене. Дочери торговца никогда бы не разрешили зарабатывать на жизнь подобными выступлениями.

– Рад, что ты решила прийти, – произнес за спиной низкий голос, прервав мои размышления.

Я повернулась, смущенная тем, что меня застали разглядывающей танцовщиц.

– Мы знакомы? – спросила я, но тут же поняла, что да. Я уже видела этого человека. – Точно, ресторан, – поправила я. – Ты был там сегодня вечером.

Он смотрел на меня с непонятным выражением лица, сдвинув к переносице густые черные брови. Я чувствовала, что меня изучают, но совсем не так, как это делал вышибала у входа. Меня охватило какое-то темное, смутное предчувствие, появилось неопределенное ощущение в животе.

Он оказался больше, чем я его запомнила, – слишком большим для этого битком набитого зала, и я почувствовала себя маленьким ребенком. Он занимал слишком много места, вдыхал слишком много воздуха.

Кожу на затылке стянуло, голова мигом прояснилась, будто наркотик, путешествующий по моему организму, испарился в мгновение ока. Все ощущения усилились, глаза оставались прикованными к его.

– Я не был уверен, что ты придешь. – Он говорил тихо, почти шепотом, несмотря на громкие, бьющие по ушам ритмы.

– И я. Я даже не была уверена, что этим вечером вообще где-то *буду*, – выпалила я.

Он приподнял бровь.

– Может, я не вовремя? Если ты хочешь побыть одна, мне лучше уйти.

Вокруг нас бесилась толпа. Если бы мне действительно хотелось побыть одной, я бы ни за что не отправилась в «Добычу». Но неожиданно я попала в ловушку его холодных темно-серых глаз. Они беспокоили меня, и я не могла понять чем. Дыхание сбилось, у меня возникло странное ощущение, что мне следует от него отвернуться. Однако я словно была зачарована.

– Нет, все нормально, – наконец сказала я, и упругие нити моих запутанных эмоций затянулись еще сильнее. Предчувствие, что этого человека надо избегать, укрепилось.

Он нахмурился, но его губы изобразили кривую улыбку.

– Это хорошо, потому что предложение было пустым. Я бы все равно остался. Я Макс. – Его улыбка стала шире, и я поняла, что он меня поддразнивает. В тот момент мне хотелось походить на Брук. Хотелось увереннее вести себя с парнями. Он протянул руку.

Когда я ее не пожалала, он потер челюсть – обычный жест, но я не могла не заметить изящество его движения.

Пока меняли музыку, надолго воцарилась тишина. Я понимала, что должна представиться, но вместо этого отвернулась, делая вид, что интересуюсь танцовщицами на высокой сцене. Однако все, что я тогда замечала, был он, и при любой возможности тайком на него косилась. Его одежда была лучше, чем всё, что я когда-либо видела – даже лучше шелка, подаренного Ароном, – и вопреки здравому смыслу мои пальцы жаждали прикоснуться к роскошной ткани его пиджака. Хотя бы раз.

Я вовремя остановилась, опустив руку и вздернув голову, радуясь, что одумалась прежде, чем дотронулась до него и выставила себя полной дурой. В тот момент я заметила, что он улыбается мне – *мне*, – и мое сердце замерло.

Я развернулась и посмотрела ему в глаза. Жесткие грани его лица смягчились, и внезапно он стал похож на мальчишку. Прекрасного мальчишку. Слишком прекрасного. Мне захотелось дотронуться до него, как минуту назад хотелось коснуться ткани его пиджака...

пройтись по коротким темным волосам, ощутить гладко выбритую челюсть, полную нижнюю губу.

Я вздрогнула. О чем я думаю? Может, я *слишком* похожа на Бруклин?

– Я... я передумала. Наверное, мне все же пора, – пробормотала я, пятясь назад... сперва один неловкий шаг, затем второй.

Макс нахмурился и протянул руку, чтобы меня остановить.

– Подожди. Не уходи.

Я чувствовала силу и тепло его пальцев, проникавшее сквозь простую ткань моего платья, и внезапно пожалела, что не уговорила Бруклин дать мне что-нибудь из ее гардероба. Ее платья не были новыми, но, безусловно, были куда более открытыми и сшитыми из тканей получше. Я попыталась представить, каким его прикосновение ощущалось бы на моей коже.

Подняв глаза, я изумилась густому ряду его темных ресниц, вновь почувствовав, что не должна этого делать, что мне следует отвернуться. Пришлось напомнить себе, что здесь, в клубе, деление на классы исчезало. Пусть даже это была всего лишь иллюзия.

Однако такая мысль меня подбодрила, и я позволила себе слегка улыбнуться, склонив голову набок.

– Почему ты хочешь, чтобы я осталась?

За это он наградил меня улыбкой и отпустил руку. Пожалуй, это был честный обмен.

– Я надеялся хотя бы узнать, как тебя зовут. Это меньшее, что ты можешь сделать – я пришел сюда только для того, чтобы с тобой повидаться.

Он поднял бровь, и мой пульс участился.

Я покачала головой, уверенная, что он все еще шутит. Наверняка он собирался встретиться здесь с Бруклин. Но я решила ему подыграть.

– Значит, в этом все дело: ты запал на подругу-неудачницу? Или тебя привлекло, что сегодня я едва не угодила на виселицу?

На лице Макса возникло беспокойство, и я поняла, что его, как и Бруклин, отнюдь не позабавила моя ситуация с девушкой-чиновницей. Однако его следующие слова не имели ничего общего с тем, что он услышал в ресторане.

– Ты знаешь, какая ты красавица? – спросил он, приближаясь.

Мои щеки запылали.

И в тот момент я услышала голос Бруклин, звучавший громче окружающего шума и даже громче музыки. Ее смех был мелодичным, гортанным, и он сумел разбить заклятье, под которым я находилась до сих пор. Поискав глазами в толпе, я почти сразу наткнулась на знакомые черные локоны.

– Извини, мне пора, – запоздало объяснила я, бросив эти слова через плечо. Проталкиваясь вперед, пролезая сквозь податливую движущуюся публику, я старалась поскорее добраться до Брук.

И оказаться подальше от охвативших меня незнакомых чувств.

На одной из приподнятых платформ вокруг танцпола я увидела Брук: она стояла между двумя мужчинами, которые находились тогда в ресторане и рассказали ей о «Добыче». Они были еще выше, чем их друг Макс, и маленькая фигурка Брук рядом с ними казалась совсем миниатюрной. Симпатичная, хрупкая куколка.

Я секунду помедлила. Меня не просто запугать, но в этих двоих было что-то, вынудившее меня остановиться.

Голова Брук запрокинулась назад, лицо сияло от смеха; она в восторге смотрела на темнокожего мужчину рядом с собой. Она была само обаяние и обещание, сплетенные в один искусительный узел. Однако мое внимание привлек другой мужчина со светлой кожей, бритой головой и пронзительными зелеными глазами. Он был таким же высоким и муску-

листым, как и его приятель; на его широкой груди блестели серебряные пуговицы черной рубашки. Когда Бруклин отвлеклась, он склонился к ней и прижал к лицу один из ее темных локонов. А потом сделал глубокий вдох.

Вдохнул ее запах.

– Чарли! – воскликнула при виде меня Бруклин и энергично замахала рукой, приглашая присоединиться. – Помнишь моих друзей из ресторана? – Так она представила мужчин, стоявших по обе стороны от нее.

По коже у меня побежали мурашки – интуиция не дремала.

Я взяла ее за руку.

– Нам пора. – И попыталась стянуть вниз.

Но Бруклин вырвала руку, прижав ее к груди, словно я только что ее обожгла.

– Стой, Чарли. Я никуда не хочу.

Я знала этот тон, слышала его не один раз. Она действительно не собиралась уходить.

Расстроившись и не зная, как уговорить ее, я попыталась выдумать причину, но Бруклин меня отвлекла.

– Да ладно тебе, Чарли. У них самый замечательный акцент, какой мне только попадался. Слушай! – Она повернулась к мужчине, который несколько секунд назад нюхал ее волосы. – Давай скажи ей что-нибудь, – умильно попросила она.

И прежде, чем я успела ответить, что мне это не интересно, мужчина выполнил просьбу Бруклин. Но говорил он не на английском. Его язык был насыщенным и скрипучим.

За всю свою жизнь я не слышала ничего подобного.

Мир вокруг меня задрожал, словно протестуя.

Его язык был странным, модуляции голоса – тяжелыми и грубыми, однако значение слов было кристально ясно.

Я услышала то, что Бруклин никогда бы не поняла:

– Эта малышка вкусно пахнет.

Двое мужчин понимающе улыбнулись, и мои опасения усилились, но не из-за того, что он сказал.

На этот раз, схватив Бруклин за руку, я не собиралась ее отпускать. Мне было лучше, когда я ее держала.

Я бросила нервный взгляд на человека, из-за которого зудела моя кожа: дело было не в том, *что* он сказал, а в том, *как* он это сделал. Удерживая Бруклин за руку, я тихо произнесла:

– Нам пора идти. Я плохо себя чувствую.

Отчасти это была правда – мои руки до сих пор тряслись.

– Не-е-ет! – громко и обиженно возразила она. – Давай останемся. Я хочу потанцевать с... – Она замолчала, озадаченная. – Как, ты сказал, тебя зовут?

– Клод, – низкий голос искажил слово, и хотя он произнес его на английском, имя прозвучало так, будто он сказал «Клауд».

Бруклин хихикнула.

– Клауд. Я хочу потанцевать с Клаудом.

Клод наблюдал за ней пристальным взглядом, не упуская ни одной мелочи.

– Брук, – настойчиво произнесла я, глядя только на нее. – Ты обещала.

Бруклин пожевала красную губу и слегка нахмурилась, сдвинув черные брови.

– Но мы ведь только что пришли. Вдруг я его больше не увижу?

Она состроила недовольную гримасу и поглядела на Клода.

Его губы разошлись в терпеливой улыбке, зеленые глаза сверкнули. Эта улыбка была приятной, даже красивой, но не сейчас и не у него.

Когда он заговорил, воздух вокруг меня пошел волнами, как в знойный день.

И вновь его язык не был похож ни на один, слышанный мною прежде, хотя я прекрасно его понимала.

– *Я буду искать тебя, моя радость.*

Темно-карие глаза второго мужчины сощурились, и он добавил:

– *Ее сложно не заметить.*

Я моргнула, опасаясь, что после этих странных слов лицо меня выдаст. Я прекрасно знала, что не должна их понимать.

Дернув Бруклин за руку, я крикнула, больше не заботясь о том, что привлеку внимание окружающих.

– Нет! Брук, нам пора. Ты ведь обещала, – взмолилась я сквозь зубы.

Бруклин нахмурилась, но ее плечи опустились, смиряясь с неизбежным.

– Прости, – грустно сказала она, повернувшись к Клоду. – Потанцуешь со мной в следующий раз?

На его губах заиграла многозначительная улыбка. Он склонился и что-то прошептал Бруклин на ухо.

Пока Клод ее отвлекал, я внезапно осознала, что от самой платформы за мной следовал Макс. Я понятия не имела, как долго он нас слушал.

Он стоял близко, всего в нескольких футах, глядя на меня все так же пристально, однако теперь на его лице было *любопытство*.

Мне совсем не хотелось привлекать к себе подобное внимание.

Я подумала, что у меня разыгралось воображение. Что нет способа, которым можно узнать или даже заподозрить, будто я поняла значение странных слов его друзей.

Я посмотрела на Бруклин, которая заправляла за ухо черный шелковистый локон. Она кивнула Клоду и широко улыбнулась. На этот раз она прекрасно его поняла.

Но я уже тянула ее прочь от огромных мужчин и их таинственного языка. Прочь от охватившего меня удушливого страха.

Макс

Даже самой глубокой ночью в бараках не было тишины. До Макса доносился скрип кроватей, громкий неослабевающий кашель, приглушенные звуки далекого разговора.

Он лежал на койке так тихо, как только мог, притворяясь, будто спит, однако сна не было ни в одном глазу. Он не пытался выкинуть девушку из головы, однако не желал делиться этими мыслями с другими. Лучше притвориться спящим. Лучше избегать вопросов от людей, что его окружали, от тех, кто постоянно за ним следил.

Было бы проще, если б он был один. Если б он действительно был один.

Но он сам выбрал для себя такую жизнь, в которой лишился одиночества, и теперь ему приходилось довольствоваться украденными моментами в глубокой ночи, прячась у всех на виду.

В воспоминаниях на него смотрели ясные голубые глаза – глаза, которые он хотел бы никогда не видеть. И надеялся увидеть вновь. Скоро.

С ней будет нелегко; одно то, что он лежал и не спал, служило этому доказательством. Всего несколько фраз, улыбка, краткие минуты в клубе, а он уже мучился и не мог уснуть.

Он проигрывал в голове ту сцену, когда последовал за ней в «Добыче» и наблюдал, как она слушает его флиртующих и подшучивающих друзей. Он сразу заметил этот момент – его невозможно было не заметить: глаза девушки расширились, голос задрожал, уверенность испарилась.

Она была не такой сильной, какой хотела казаться.

Он тревожился за нее, хотя сейчас она была в безопасности, скорее всего дома, с родителями, в своей постели.

Не зная о той пытке, которой уже подвергает его.

Глава четвертая

На обратном пути Бруклин отказывалась не только говорить со мной, но даже смотреть в мою сторону, хотя я несколько раз перед ней извинилась. Если б я могла объяснить, почему так хотела уйти, она бы меня простила, однако я молчала. Даже моя лучшая подруга не должна была знать о моей способности... о том, что я понимаю любой язык, который слышу.

Оказавшись на западе города в родном районе, где обитали торговцы, я решила отправиться прямо домой. Родители узнают, что я ходила развлекаться, а не гостила у Брук, но ее молчаливый взгляд, направленный прямо, ясно давал понять, что прощать меня она не собирается. По крайней мере, не сегодня.

Однако я не жалела, что заставила ее уйти. Даже следующим утром, в свете нового дня, я была уверена, что поступила правильно.

Вчера я слышала слова Клода, и в них было что-то неправильное...

Почему никогда раньше мне не встречался этот язык? Как такое возможно? В свете угрозы революции, питавшей свои силы за счет окружающих стран, которые надеялись воспользоваться слабостью нашей защиты и невыгодным положением королевы, границы Лудании закрылись, а все иностранцы обязаны были покинуть страну. Туристических паспортов давно уже не выдавали.

Однако я слышала все региональные диалекты термани, паршона и англеза, знала все их интонации, модуляции и ритмы. По крайней мере, так мне казалось до вчерашнего вечера.

Теперь я услышала что-то новое.

Но почему я так уверена, что не должна слышать этот язык?

Невозможно было не думать о том, кто такие Клод и его друг. Шпионы? Революционеры, говорящие на тайном наречии? Кто-то еще хуже?

Эти вопросы и странное звучание нового языка не давали мне уснуть почти всю ночь, преследуя даже во сне.

Но было и другое, что занимало мои мысли и о чем мне не следовало думать. Темно-серые глаза, мягкие губы, дерзкая улыбка.

Я старалась убедить себя, что это глупо, но всякий раз, когда я пыталась выгнать его образ из головы, он находил дорогу обратно.

Следующим утром я с облегчением увидела Бруклин, ждавшую меня на нашем обычном месте. Только я собралась улыбнуться, как поняла, что она делает вид, будто меня не замечает. Арон еще не пришел, нас было только двое. Я осторожно приблизилась, не зная, как заговорить о вчерашнем вечере.

– Привет, – нерешительно сказала я, жалея, что больше не с чего начать.

Брук стояла, скрестив руки на груди и бросив у ног сумку с книгами. Однако, несмотря на ее возмущенную позу, я знала, что она колеблется. Зачем бы тогда ей приходить?

Она дернула щекой, не желая признавать мое присутствие.

– Ну, хорошо, – вздохнула я, понимая, что первый шаг придется делать мне, и досадуя на горький вкус своих извинений. – Бруклин, прости. Я знаю, тебе понравился этот *Клод*. – Я намеренно произнесла имя таким образом, надеясь разбить ее непробиваемую скорлупу. Но у меня ничего не вышло: она продолжала смотреть вверх. – Мне трудно это объяснить, просто трудно, – продолжила я. – В них было что-то... странное. Что-то, что меня насторожило. – Яснее выразиться я не могла, но теперь она начала постукивать ногой по земле. Она меня слушала, и это было начало. – Знаешь, я бы не просила тебя уйти, если б не волновалась... – Я замолчала, пытаясь придумать, что еще тут можно сказать.

Бруклин повернулась, и ее безжалостный сердитый взгляд сменился хмурой озабоченностью. Она подумала пару секунд и когда наконец заговорила, мне захотелось вернуться назад во времени. Молчаливое наказание было куда легче, чем правда.

– Дело не в парне, Чарли. Дело в тебе. Вчера вечером что-то произошло, не только в клубе, но и в ресторане. Это *ты* вела себя странно... – Ее голос упал до едва различимого шепота; она встала так близко, что теперь нас никто не мог подслушать. – Ты то и дело нарушаешь закон. И не обманывай себя: я видела, что ты сделала вчера в школе, когда дала мальчишке печенье. Это опасно. Это смертельно опасно. – Ее рот превратился в узкую линию, она прижалась щекой к моей и едва слышно прошептала:

– Я твой друг, Чарли. Если ты хочешь мне что-то сказать, я слушаю. Я сохраню твою тайну. Но ты должна быть осторожнее. Ради всех, кто тебя окружает.

Мои глаза округлились, во рту пересохло. Я отшатнулась, потрясенная ее словами и интонациями. Брук редко говорила серьезно, а такая степень беспокойства была ей вообще не свойственна. Я смотрела на нее не мигая. Конечно, она была права – это я вызываю неприятности. Не она. Не Клод.

Над нашими головами проснулся громкоговоритель, и я едва не подскочила от неожиданности:

– О ЛЮБОЙ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СООБЩАЙТЕ НА БЛИЖАЙШИЙ ПОСТ ПАТРУЛЯ.

Мне очень хотелось рассказать ей все.

Но в эту секунду появился Арон, и момент ушел.

– Чарли, так нечестно. Сегодня я не видел, как ты уходила. Это не считается. – Он криво и бестолково усмехнулся. Но когда он взглянул на нас, застывших, словно расставленные по всему городу статуи королевы, его брови поползли вверх. – Вы как, в порядке?

Я сделала неровный вдох и вопросительно глянула на Бруклин. «Мы в порядке?» – мысленно спросила я.

Не сводя с меня глаз, Брук пихнула меня плечом.

– В порядке, – ответила она больше мне, чем Арону. Устремляясь вперед, она бросила на него косой взгляд. – Возьмешь мою сумку, Крошка?

Я улыбнулась, заведя у лестницы Арона, дожидавшегося меня после занятий. Арон всегда был надежным, уверенным в себе, и при виде его я расслабилась.

Не помню, было ли когда-то иначе? Арон, умный и спокойный, сиял, как маяк в темноте.

Кажется, я так и не привыкла к телу мужчины, возникшему вокруг того мальчика, которого я когда-то знала, однако в нем еще оставались едва заметные следы моего друга детства: прическа, веснушки на носу, постепенно исчезающие с каждым годом. Он автоматически потянулся к моей сумке.

– Бруклин передала, что ей пришлось уйти пораньше. Ее ждет отец.

Несмотря на его открытую улыбку, я нахмурилась и попыталась вспомнить, когда это его голос успел стать таким низким? Может, я просто этого не замечала?

– Она могла пойти с нами, – ответила я, но в моих словах не было подлинной уверенности. Хотя Бруклин больше на меня не злилась, ей никогда не требовались сопровождающие, если отец звал ее домой.

Он редко обращал на нее внимание, и происходило это лишь тогда, когда возникала необходимость убрать дом или пополнить запасы продуктов. Я знала, что ей обидно чувствовать себя столь малозначимой: ее замечали редко и по сугубо практическим соображениям.

Я начинала его ненавидеть, поскольку сама она была на это неспособна.

– Слушай, Арон, твой отец много болтает... – Это не было вопросом. Мистер Грейсон был из тех, кто нуждался в слухах так, как другие нуждаются в воздухе. Он был бы опасен, не окажись он таким глупцом: его ум был поверхностным, а язык – без костей.

Арон кивнул. Он не обиделся: разумеется, он и сам это знал. И все же он взглянул на меня с заинтересованной улыбкой.

– Ты это к чему?

Я пожала плечами, беспокоясь, не переступаю ли я границы приличия, и осторожно продолжила:

– Он говорил что-нибудь о Бруклин? И об ее отце?

Улыбка исчезла.

– Что ты имеешь в виду?

Мои плечи вновь поднялись.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Твой отец когда-нибудь о них говорил? Как они живут? Много ли мистер Мейер работает? Хватает ли ему денег? Брук... – Задать последний вопрос было сложнее всего, хотя я размышляла над ним сотни раз. – Нет ли опасности, что ее могут у него забрать?

Брук почти исполнилось семнадцать, она была всего на несколько недель младше меня, и до совершеннолетия, когда она получит право самостоятельно принимать решения, ей оставался год. Но сейчас она находилась в опасности: ее могли объявить содержащейся на попечении королевы. Это означало ссылку в трудовой лагерь – а Бруклин скорее бы умерла, чем туда отправилась, – потерю классового статуса и падение по социальной лестнице. Все сироты переходили в класс слуг.

Арон остановился. Его лицо стало серьезным, глаза необычно погрузнели.

– Кое-что я слышал, – печально ответил он. – Покупатели в нашем магазине иногда говорят о Брук, но дело не в ее положении. Они считают, что она слишком сумасбродна, что отец не занимается ее воспитанием и дает слишком много свободы. Одни считают, что он должен держать ее под замком, другие – что без матери ее некому контролировать. – Он покачал головой. – Никто не говорил, что отец не может ее содержать, но когда упоминают ее имя, я тревожусь. Я боюсь, что однажды их жалобы могут превратиться в кое-что похуже. – Он посмотрел мне в глаза. – В нечто гораздо более опасное.

Мы оба знали, о чем идет речь, и когда я взяла его за руку, у меня перехватило дыхание. Я хотела сказать, что это невозможно – невозможно представить Бруклин изменницей, и никто не посмеет обвинить ее в связи с повстанцами. Но я понимала, что ошибаюсь.

Я ошибалась не потому, что считала Бруклин революционеркой, а потому, что кто-нибудь действительно мог высказать подобное мнение. Иногда – а на самом деле гораздо чаще, чем мне бы хотелось признать, – награда за донос на соседа была достаточной, чтобы соблазнить предателя. А такой человек, как Брук, девушка без матери, с отцом, который не обращал на нее внимания, была легкой мишенью.

– Предупреди меня, если услышишь такие разговоры, – сказала я, не зная, что стала бы делать с этой информацией, но понимая, что не позволю ее арестовать. Не позволю поступить с ней так, как поступили с Чейен Гудвин.

– Конечно, предупрежу, – заверил меня Арон, и я видела, что он говорит правду. Взяв меня под руку, он тем самым напомнил, что остается моим другом. Что я могу ему доверять.

Успокоенная его присутствием, я положила голову ему на плечо.

– Сколько раз говорить, что это была случайность? Я не поняла, когда она перешла на термани. – Я устала оправдываться, но сколько бы раз я ни повторяла одни и те же слова, отец все равно был недоволен.

Он слишком волновался.

Он расхаживал по комнате, и хотя у него был целый день, чтобы прийти в себя после вчерашнего инцидента в ресторане, на его плечах до сих пор лежала тяжесть содеянного мной. Того, что я едва себя не выдала.

– *Чарлина, ты не можешь позволить себе такие ошибки. Ты должна быть очень осторожна. Всегда.* – Он прижал мозолистую ладонь к моей щеке, и я почувствовала жар его кожи. На лбу отца собрались морщины, брови сошлись на переносице. – *Я за тебя беспокоюсь. Я беспокоюсь за всех нас.*

– Знаю, – ответила я, упрямо не желая потакать любви моих родителей к паршону. Я предпочитала говорить на английском. Только на нем. В этом случае не будет никакого взаимного непонимания, никаких ошибок. Хотелось бы мне, чтобы все думали так же, как я.

Он сел на диван в маленькой гостиной нашего дома. С этой уютной комнатой были связаны года воспоминаний. Я знала здесь каждый закуток, каждый камешек, каждую доску и темную щель.

В этом доме я родилась, выросла и сейчас вдруг почувствовала себя недостойной своего убежища, предав доверие отца. Я понимала – возможно, больше, чем кто-либо другой, – какую жертву он принес, чтобы обеспечить нашу безопасность.

Я до сих пор помнила тот вечер; мне было тогда столько, сколько сейчас Анджелине. В дверь нашего дома постучал человек, громко требуя отца и отказываясь уходить без ответа.

Отец затолкал меня в спальню и приказал ждать внутри, пока он не разрешит мне выйти. Или пока не вернется мать. Я подчинилась, спрятавшись под кроватью, как он велел, и была очень испугана.

Этот вечер живо стоял у меня в памяти: холодный каменный пол под босыми ногами, то, как я выбираюсь из своего укромного убежища, кукла, которую я прижимаю к груди, и слова, доносящиеся из-за тяжелой двери.

– *Я слышал, что она сделала, Джозеф. Тот человек говорил с ней на термани, и она ему отвечала. Она понимала, что он говорит. Она – мерзость!* – Голос, полный тревоги и ярости, принадлежал не моему отцу.

– *Ты ничего не слышал. Она ребенок. Она просто играла.*

– *Она не играла, а ты подвергаешь опасности нас всех, держа ее здесь!*

Я затаила дыхание, прислонившись лбом к грубо обтесанной двери, единственной преграде, отделявшей меня от отца.

А потом я услышала его голос, твердый и злой.

– *Уходи из моего дома. Тебе нечего здесь делать.*

Воцарившаяся тишина была такой долгой, такой тяжелой и многозначительной, что даже в тот момент я понимала достаточно, чтобы испугаться до глубины души. Дрожа, я отступила назад, в тихий темный воздух.

Помню, как другой человек заговорил вновь, негромко, почти шепотом.

– *То, что она делала, незаконно. Либо ты ее сдашь, либо я.*

Отец ответил мгновенно.

– *Я не позволю тебе этого сделать.*

Я крепко сжала свою куклу и, не оборачиваясь, продолжила пятиться медленными, ровными шагами.

Бесшумно скользнув под кровать, как учил меня папа, я свернулась клубком, и по моим щекам потекли слезы. Я закрыла глаза и заткнула уши, чтобы не слышать раздававшийся из-за двери шум, а потом – пришедшую снаружи звенящую тишину.

Я пряталась в темноте, страшась, что звуки сотрясающейся двери каким-то образом материализуются в спальне. Но этого не произошло, и возникшее следом затишье тянулось, кажется, целую вечность. Я устала, положила голову на холодный пол и просто ждала.

Наконец, входная дверь скрипнула, и мое сердце сжалось. Я чувствовала каждый свой вдох и выдох. Глаза расширились, пытаюсь разглядеть в царящей вокруг темноте, чьи это ноги приближаются к кровати. От скребущего звука тяжелых ботинок о камень моя кожа покрылась мурашками.

Я приподнялась на локте, всматриваясь в темноту. В горле застрял комок.

А потом матрас надо мной тяжело просел, и я услышала глубокий вздох.

– *Можешь выходить.*

Услышав отцовский голос, я быстро выбралась из-под кровати, изо всех сил ползя на животе. Не успела я вылезти целиком, как он подхватил меня и вытащил наружу. Я забралась на его теплые колени, поджав под себя ноги, и обняла худыми руками за пояс, вдыхая знакомый запах.

Он долго обнимал меня прежде, чем заговорить – между нами было много того, о чем говорить не следовало, что должно было остаться невысказанным. Наконец, из груди его вырвался голос, шепчущий мне прямо в ухо.

Он говорил на английском, и мягкие звуки языка делали смысл его слов не таким жестким, как в разговоре с человеком из соседней комнаты.

– Ты не можешь больше так делать. Ты должна быть осторожна. – Затем он поднял меня с колен, уложил на мягкие подушки и перешел на более гортанные звуки нашего родного языка.

– *А теперь спи, малышка. Мне нужно убраться, пока не вернулась мама.*

Он подоткнул одеяло и, склонившись, мягко коснулся губами моего лба. Мои веки отяжелели и закрылись; я помню, что чувствовала себя в безопасности, зная, что отец меня защитил, как делал это всегда...

...и постаралась забыть о пятнах крови на его рубашке.

Я вздохнула и посмотрела на отца, понимая, что единственное, чего он хотел, это безопасности для всех нас, для меня и Анджелины. Почему мне было так сложно признать собственную ошибку?

– Ты прав, папа, – наконец, сказала я. – Я буду осторожнее, обещаю.

Он улыбнулся. Улыбка вышла слабой, но я была за нее благодарна.

– *Знаю, что будешь, малышка.* – Он взял мою руку и крепко сжал пальцы.

Входная дверь распахнулась, и в дом вбежала Анджелина, маленькая, полная энергии, с перепутанными светлыми волосами, делавшими ее похожей на крохотный вихрь. За ней вошла мать.

– Не пора ли нам в постель? – Я подхватила сестру на руки, используя это как предлог для избавления от чувства, будто я разочаровала отца.

Анджелина кивнула, хотя сна у нее не было ни в одном глазу.

Я кивнула, прощаясь с родителями, отнесла свою растрепанную сестренку в нашу общую спальню и усадила на единственную кровать. Оставив ее раздеваться, я отправилась за мокрым полотенцем, чтобы стереть грязь, которую она умудрилась собрать на себя в течение дня.

– Ты грязнуля, – обвиняюще произнесла я, стирая пятна с ее белоснежной кожи. Она улыбнулась, обнажив полный рот зубов. – И Маффин тоже грязнуля, – пожаловалась я, глядя на неопрятную игрушку, которую она повсюду таскала с собой – изношенного, потрепанного кролика, мой подарок.

Годы не пощадили Маффина. Его мех стал таким тонким, что местами был прозрачен, и игрушка выглядела, словно больная чесоткой. Из-за грязи мягкий белый мех покрылся коричневыми нездоровыми пятнами.

Анджелина схватила старого кролика, не желая, чтобы я его вытирала.

К тому моменту, как я отмыла сестру и передела ее в ночную рубашку, Анджелина прижималась ко мне, едва в состоянии держать голову.

– Ну вот, соня, – прошептала я, укладывая ее под одеяло и пристроив рядом грязного кролика. Анджелина никогда не спала без Маффина.

Я забралась на кровать рядом с ней, придвинула поближе лампу и вытащила подаренную Ароном ткань. Я уже разрезала ее на куски, придумав собственную модель, и скрепила их булавками. Вытащив иглу из катушки на прикроватном столике, я начала работать, вновь отметив ощущение, возникавшее от движения шелковой ткани между пальцами, и подумав, каково это – носить нечто столь возмутительно тонкое.

Ступни Анджелины переместились под холодными простынями и забрались под мои ноги в поисках тепла.

Так моя сестра желала спокойной ночи.

Это был единственный способ, которым она могла это сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.